

DOI 10.31250/2618-8619-2023-1(19)-205-217

УДК 299.572

Никита Александрович Кутявин

Удмуртский государственный университет

Ижевск, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-4244-2283

E-mail: nikitakutyavin@yandex.ru

Концепция «волн» в контексте истории русского неоязычества: опыт классификации

АННОТАЦИЯ. В статье предлагается взгляд на историю русского неоязычества как на постепенное возникновение и сосуществование трех волн движения, каждая из которых имеет свои особенности в идеологии и политической, активистской и религиозной практике. Первая волна неоязычества (представленная такими публицистами, как А. М. Иванов, В. Н. Емельянов и А. А. Добровольский) заложила основы мировоззрения и сформулировала основные претензии к христианству и иудаизму. Эти претензии, выраженные в форме конспирологического антисемитского и антихристианского нарратива, рассматриваются автором как элемент «механизма козла отпущения», описанного антропологом Р. Жираром. Двумя другими основополагающими элементами мировоззрения стали этнический примордиализм и эзотерическая религиозность. Вторая волна, представленная лидерами религиозных общин и популярными писателями, такими как И. Г. Черкасов, Н. Н. Сперанский, Л. Р. Прозоров, А. Ю. Хиневич, была ориентирована на «изобретение традиции» (в терминологии историка Э. Хобсбаума). В рамках этой волны можно выделить два направления — традиционалистское и модернистское, отличающиеся друг от друга подходами к изобретению традиции. Третья волна связана с молодежным правым экстремизмом и зародилась в среде бывших скинхедов-неонацистов. Представителям этой волны свойственно критическое отношение к собственной нации, которая не следует за молодыми праворадикалами в их восстании против сионистского оккупационного правительства (Zionist Occupation Government, ZOG).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национализм, традиционализм, изобретение традиции, концепция волн, правый радикализм, родноверие, неоязычество

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кутявин Н. А. Концепция «волн» в контексте истории русского неоязычества: опыт классификации. *Кунсткамера*. 2023. 1(19): 205–217. doi 10.31250/2618-8619-2023-1(19)-205-217

Nikita Kutuyavin

Udmurt State University
Izhevsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4244-2283
E-mail: nikitakutyavin@yandex.ru

The Concept of “Waves” in the Context of the History of Russian Neopaganism: Attempt of Classification

ABSTRACT. The article proposes a view of the history of Russian neopaganism as a gradual emergence and coexistence of three waves of movement. Each of them has its own characteristics in ideology and political, activist and religious practice. The first wave of neopaganism was represented by such publicists as A. M. Ivanov, V. N. Emelyanov and A. A. Dobrovolsky and laid the foundations of the worldview, as well as formulated the major claims against Christianity and Judaism. These claims, formulated in the form of anti-Semitic and anti-Christian conspiracy narrative, considered by the author as an element of the “scapegoat mechanism” described by the anthropologist R. Girard. Two other fundamental elements of the worldview were ethnic primordialism and esoteric religiosity. The second wave was represented by the leaders of religious groups and popular writers such as I. G. Cherkasov, N. N. Speransky, L. R. Prozorov, A. Yu. Khinevich and focused on the “invention of tradition” (in the terminology of the historian E. Hobsbawm). Within this wave, two trends can be distinguished — traditionalist and modernist. The trends differ from each other in their approach to the invention of tradition. The third wave was associated with youth right-wing extremism and originated among former neo-Nazi skinheads, such as members of the Combat Terrorist Organization D. A. Borovikov and A. M. Voevodin. Ideologically, it had continuity from the first wave, but was more radical in practice. Representatives of this wave tended to be critical of their own nation, which does not follow the young right-wing radicals in their uprising against the Zionist Occupation Government (ZOG).

KEY WORDS: nationalism, traditionalism, invention of tradition, concept of waves, right radicalism, Rodnoverie, Neopaganism

FOR CITATION: Kutuyavin N. The Concept of “Waves” in the Context of the History of Russian Neopaganism: Attempt of Classification. *Kunstkamera*. 2023. 1(19): 205–217. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2023-1(19)-205-217

ВВЕДЕНИЕ

Движение русских неоязычников («родноверов»), начало которому положила группа националистических интеллектуалов в 1970–1980-е годы, уже четверть века является объектом исследований. Один из инструментов для анализа истории этого движения — выделение поколений, сменяющих друг друга. В качестве примера систематизации неоязыческих поколений можно привести работу ведущего специалиста по теме неоязычества В. А. Шнирельмана «Русское родноверие». Исследователь указывает в качестве основоположников русского неоязычества таких публицистов, как В. Н. Емельянов и А. М. Иванов, в начале 1970-х годов запустивших в самиздат свои манифесты «Письмо Солженицыну» и «Слово Нации» (Шнирельман 2012: 1–5). Под влиянием В. Н. Емельянова к неоязычеству обратился бывший диссидент А. А. Добровольский, ставший позднее известным как Доброслав и заложивший основы родноверия как религии (Шиженский 2014: 28–29).

К началу 1990-х годов В. А. Шнирельман относит становление второго поколения русских неоязычников (Шнирельман 2012: xi). Если первое поколение было ориентировано на политические задачи, борьбу с христианством и «мировым сионизмом», то второе поколение стало уделять больше внимания экологии и реконструкции дохристианских верований и обрядов. Такого же взгляда придерживается и К. Айтамурто, которая объясняет уменьшение роли политики и радикализма в неоязычестве в 1990-е годы сменой поколений (Aitamurto 2016: 196). Начало третьего этапа в истории движения В. А. Шнирельман относит к первому десятилетию XXI в., когда деградация политической сферы вытолкнула неоязычество в иные плоскости, среди которых литература, музыка, живопись, историческая реконструкция, народная археология. Одновременно с этим имело место и участие неоязычников в «Русских маршах» 4 ноября, праворадикальной агитации и уличном насилии (Шнирельман 2012: xii).

Нетрудно заметить, что внутри родноверия существуют разные направления. Исследователи уже предлагали несколько возможных классификаций, однако у них есть серьезные недостатки. Например, В. А. Шнирельман приводит в своей монографии классификацию из диссертации А. В. Гайдукова, в которой последний выделяет национал-патриотическое, природно-экологическое и этнографически-игровое направления (Шнирельман 2012: 6). На практике мы видим, что многие значимые неоязыческие фигуры вроде А. А. Добровольского (Доброслава) и Н. Н. Сперанского (Велимира) могут быть с полной уверенностью отнесены ко всем трем направлениям, поскольку являлись национал-патриотами, уделяли большое внимание экологической тематике и проводили неоязыческие обряды. То же касается и классификации В. В. Прибыловского, выделявшего «слабо политизированный фольклорно-игровой и предельно политизированный национал-патриотический полюса неоязычества» (Прибыловский 2004). Среди представителей «слабо политизированного крыла» он, в частности, указывает того же Н. Н. Сперанского, известного своей борьбой с «глобализмом»¹. Похожее деление на политический и неполитический сегменты приводит А. В. Митрофанова (Шнирельман 2012: 7). В свою очередь, О. И. Кавыкин различал «толерантных» и «нетолерантных» неоязычников (Кавыкин 2007: 166–170). Несмотря на важность подобного различения, можно заметить, что этой классификации не хватает диахронии: радикализм или толерантность социальных движений может меняться со временем.

Диверсификация внутри родноверия происходила постепенно. В начале оно представляло собой группу радикально настроенных интеллектуалов, писавших критические тексты в адрес христианства и евреев. В 1990-е годы на первый план вышло образование общин, вопросы верования, т. е. более позитивная повестка. Однако у первого поколения неоязычников появлялись

¹ О побудительных мотивах Велимира к неоязыческому творчеству очень многое может сказать одна фраза, произнесенная им, по его собственному признанию, когда он закончил работу над своей первой «языческой» книгой: «П****ц Америке!» (Сперанский 2008: 38).

новые эпигоны, по-своему переделывавшие один и тот же нарратив о «космической войне»² славян и евреев. Таким образом, люди, принадлежавшие к разным поколениям, вполне могут и в теории, и на практике продолжать традиции, заложенные предыдущим поколением. По этой причине видится перспективным использование концепции «волн» для анализа истории неоязыческого движения.

Говоря о поколениях, мы имеем в виду естественный демографический процесс, когда в движение приходят более молодые люди и привносят в него нечто новое. Концепция «волн» позволяет взглянуть на те же процессы под иным углом. Сам термин «волна» заимствуется нами из исследований феминистской идеологии, которая исторически делится на три волны (Королёва 2014: 53–54). В отличие от «поколений», «волны» могут существовать параллельно, и представители одного поколения могут тяготеть к разным «волнам», как это происходит в феминистской среде. То же характерно и для субкультуры скинхедов, первая волна которой была аполитичной, а многие музыканты, считавшиеся ее представителями, были чернокожими. Вторая волна оказалась заражена праворадикальной идеологией, что привело к конфликту между представителями двух волн и возникновению антифашистских скинхед-движений SHARP (Skinheads against racial prejudice) и RASH (Red and anarchist skinheads). При этом в России обе волны появились почти одновременно (Шнирельман 2010).

В статье представлена попытка классификации волн в русском неоязычестве. Каждая волна конструируется нами в качестве веберовского «идеального типа». Анализ истории волн осуществлен с привлечением концепции «механизма козла отпущения» антрополога Р. Жирара и концепции «изобретения традиции» историка Э. Хобсбаума. В качестве источниковой базы использованы публицистические работы неоязыческих идеологов и активистов, интервью, а также видеоматериалы с их участием. Некоторые из используемых неоязыческих текстов включены в федеральный список экстремистских материалов, поэтому автор хотел бы подчеркнуть, что он негативно относится к изложенным в них идеям и приводимые в статье цитаты используются исключительно в целях исторического анализа эволюции мировоззрения русских неоязычников.

ПЕРВАЯ ВОЛНА: ПОИСК «КОЗЛА ОТПУЩЕНИЯ»

Первая волна неоязычества зародилась в СССР в 1970–1980-е годы, когда в ряде текстов, таких как «Десионизация» (1977), «Христианская чума» (1978) и «Стрелы Ярилы» (1989) был сформулирован нарратив, который лег в основу идеологии движения. Авторами этих текстов были В. Н. Емельянов, А. М. Иванов и А. А. Добровольский. Суммировать их взгляды можно следующим образом. Между славянами и евреями идет многотысячелетняя война. Война эта вызвана не какими-то конкретными историческими обстоятельствами, такими как распятие Иисуса Христа в контексте христианской критики иудаизма вызвана природной несовместимостью. Для А. М. Иванова нация — это «биологическая разновидность» и «духовная общность». Религия или идеология той или иной нации в полной мере определяется ее биологической природой (Слово Нации 1981: 114). Национальное начало определяет все, вплоть до образа Бога, из-за чего Бог евреев оказывается «злобным, нетерпимым, уничтожающим всех конкурентов» (Слово Нации 1981: 128). Евреи «духовно бесплодны», а если в христианстве и есть что-то хорошее, то это результат заимствования из «арийской» религии — зороастризма. С точки зрения В. Н. Емельянова, евреи — это «устойчивый преступный генотип гибридного характера», который искусственно вывели «жрецы Египта и Двуречья» (Емельянов 2005: 42), а православие — «эсперантизированный иудаизм», «еврейская религия», насаждавшаяся князем Владимиром, поскольку он сам якобы был евреем по матери (Емельянов 2005: 8–9).

² В терминологии религиоведа М. Юргенсмейера это «духовная борьба между порядком и беспорядком, светом и тьмой, верой и сомнением» (Juergensmeyer 1991: 112).

Свои представления о религии древних славян идеологи первой волны черпали из поддельной «Велесовой книги». Помимо нее, огромную роль сыграл А. А. Добровольский, имевший большую эзотерическую библиотеку и увлекавшийся мистическими практиками (Шиженский 2014: 30–31). Он первым попытался сформулировать набор характерных черт древнего язычества. Среди них оказались вера в реинкарнацию, пантеизм, анимизм, обожествление природы. При этом, как и остальные идеологи, он связывал религию с природой и психологией нации: «Славяне, принадлежавшие к самому религиозному племени на Земле, не могли воспринять иудеоматериалистическую догму о бестелесном боге по одну сторону и бездушной природе — по другую» (Доброслав 1989: 21).

Таким образом, мы можем выделить три основных элемента идеологии неоязычества, сформировавшихся уже в самом начале истории движения: этнический примордиализм, теория еврейского заговора и маргинальная религиозность (термин П. Г. Носачева, обозначающий религиозность, «которая в течение истории западной культуры, начиная с принятия христианства Римской империей, была вытесняема и порицаема официальной религиозной и культурной традицией и никогда не была господствующей», Носачев 2015: 7). Основное внимание уделялось двум первым элементам. Представление о языческом прошлом играло в первую очередь роль ретроутопии, но серьезная реконструкция языческой практики не предпринималась.

С практической точки зрения первая волна русского неоязычества была ориентирована на политическую борьбу. Помимо написания критических текстов, практиковались и иные формы борьбы. Например, В. Н. Емельянов был автором многочисленных доносов, с помощью которых он боролся с теми, кого считал агентами «мирового сионизма». Поскольку он в свое время был референтом Н. С. Хрущева, к его мнению прислушивались. Когда он обвинил архитектора М. В. Посохина в том, что он воплощает в проектируемых зданиях иудейскую символику, секретарь ЦК по идеологии М. В. Зимянин сделал следующий запрос: «Зав. отделом науки Трапезникову: надо, видимо, компетентно разобраться с книгой т. Посохина» (Костырченко 2019: 542). Также он пытался создать Всемирный антиссионистский и антимасонский фронт «Память» (ВАСАМФ «Память»), однако ничего существенного, кроме устава организации (Емельянов 2005: 306–311), эта инициатива не породила.

В целом теория и практика первой волны неоязычества может быть проанализирована как пример «механизма козла отпущения», описанного антропологом Р. Жираром (Жирар 2010: 28–44). Когда сообщество оказывается в ситуации кризиса, связанного с внутренними противоречиями, оно может консолидироваться за счет коллективного насилия по отношению к какому-либо меньшинству. СССР, управляемый классом номенклатуры и разветвленной бюрократической машиной, постоянно нуждался в образах врага и «козлах отпущения», поскольку обезличенная среда чиновников располагает к миметическому соперничеству и борьбе всех против всех. В результате возникла почва для ксенофобии, в том числе для антисемитизма: «С номенклатурной ксенофобией связан и антисемитизм. Сначала он прикрывался лозунгом борьбы с троцкизмом, затем — уже менее завуалированно — с “безродными космополитами”, теперь — совсем уже прозрачно — с сионизмом» (Восленский 2016: 422)³. Все перечисленные нами представители первой волны верили, что сообщество, к которому они принадлежат, находится в кризисе. Например, у А. М. Иванова русская нация представлялась как этническая группа, угнетаемая в СССР, не имеющая своей национальной республики и коммунистической партии (Слово Нации 1981: 122–126). Истоки этого кризиса он обнаруживал в злонамеренном вредительстве евреев и христиан. Поскольку обе эти социальные группы испытывали определенное давление со стороны советского государства, они оказывались «удобноприносимыми», т. е. хорошо подходили на роль «козлов отпущения».

³ Подробнее о роли миметического соперничества в зарождении русского неоязычества можно прочесть в одной из наших предыдущих публикаций: (Кутявин 2022: 326–329).

Рассмотрев историю русского неоязычества, мы увидим, что первая волна не прервалась в 1990-е годы, с приходом второго поколения. Хотя ключевую роль в этот период стали играть люди, в большей степени увлеченные реконструкцией религиозных верований, а не политической полемикой, параллельно с ними действовало большое количество публицистов, транслировавших идеи В. Н. Емельянова, А. М. Иванова и А. А. Добровольского. Например, историю о вечной борьбе славян и евреев, а также о «подрывной» деятельности князя Владимира Святославича, якобы бывшего наполовину евреем, много позже пересказывали В. Н. Безверхий (1998: 104–107), В. А. Истархов (2000: 262–275), А. А. Широпаев (2011: 5–8). Так первая волна продолжала существовать с последующими.

ВТОРАЯ ВОЛНА: «ИЗОБРЕТЕНИЕ ТРАДИЦИИ»

Начиная с 1990-х годов неоязычники получили возможность не только критиковать своих идеологических оппонентов, но и заниматься созидательной деятельностью — созданием общин, реконструкцией религиозных обрядов и верований. Результатом мировоззренческих построений неоязычников второй волны должна была стать заново сотворенная традиция, легитимирующая их взгляд на общество и культуру и прочерчивающая границы между ними и остальным миром. В конечном итоге этот процесс привел к возникновению большого количества общин, чьи лидеры претендовали на статус «волхвов» или «жрецов». Общины объединялись в союзы, наиболее крупные из которых — Союз славянских общин славянской родной веры (ССО СРВ), Круг языческой традиции (КЯТ) и Велесов круг.

Термин «традиция» — один из ключевых для правоконсервативной мысли как в России, так и во всем мире. В этом можно увидеть определенную историческую инерцию. Хотя начиная с Осеева времени мыслители в ойкумене Римской империи были искушены в философии и постепенно создавали фундамент для развития науки, понятие «прогресса» было им глубоко чуждо. Люди того времени в массе своей не могли представить, что «новое» может быть также «истинным» (Ханеграаф 2016: 62–63). Возникновение традиционализма как «культы традиции» филолог У. Эко относил к позднему эллинистическому периоду и считал реакцией на рационалистическую составляющую греческой философской мысли (Эко 2012: 83–84). Традиционализм возникает как ответ на угрозы для существования культурной или религиозной традиции, но при этом само его зарождение может свидетельствовать об упадке или уже свершившейся гибели традиции. Как пишет церковный историк Г. Флоровский, «о нерушимости отеческих устоев и преданий резонировать и беспокоиться начинают обычно именно тогда, когда быт рушится» (Флоровский 2006: 60).

В случае с религиозной традицией неоязычества ее историческая новизна резко контрастирует с претензией на аутентичность и реальную преемственность от древних славян. По этой причине к ней можно отнести понятие «изобретенная традиция», сформулированное Э. Хобсбаумом. Он писал об изобретенных традициях, что их специфика «заключается в том, что их связь с историческим прошлым по большей части фиктивна. Говоря коротко, эти традиции представляют собой ответ на новую ситуацию в форме отсылки к ситуации старой» (Хобсбаум 2000: 48). Как было показано в одной из наших предыдущих публикаций, в неоязычестве сложились два направления, основанных на двух разных подходах к изобретению традиции (Кутявин 2020: 242–252).

Первое направление — традиционалистское. Яркими примерами неоязыческих традиционалистов являлись писатель и публицист Л. Р. Прозоров (Озар Ворон), а также «волхвы» и лидеры общин И. Г. Черкасов (Велеслав) и Н. Н. Сперанский (Велимир). Их подход был идеологически близок к «интегральному традиционализму», разработанному Р. Геноном и Ю. Эволой. Этот подход подразумевал, что современный человек оторван от Традиции⁴ и для него характерно «огра-

⁴ Последователи Генона и Эволы пишут слово «Традиция» с большой буквы, если подразумевается ее «примордиальная» версия.

ниченное» рациональное мышление, господствующее в эпоху Модерна. Человек, обратившийся к Традиции, неизбежно вступает в антагонизм с современностью во всех ее аспектах, включая научные методы исследования истории. Как следствие, неоязыческие идеологи получили широкий простор для творчества, ведь весьма ограниченный материал академических исследований дохристианских верований славян их больше не сдерживал. Восстановление язычества требует не исторической реконструкции прошлого, а обретения знания через духовные практики и обращение к лежащей в основе язычества *philosophia perennis* (вечной философии).

Впрочем, нельзя отрицать, что неоязычники второй волны, придерживавшиеся традиционалистских взглядов, активно обращались к научным исследованиям и историческим источникам. Духовное творчество привлекали, чтобы придать конструируемому мировоззрению целостность и закрыть оставленные академической наукой лакуны. Как результат, складывалась весьма противоречивая картина. С одной стороны, традиционалисты никогда не упускали возможность критиковать менее скрупулезных неоязычников за то, что те пренебрегают научными методами. С другой — сами порой обращались к весьма сомнительным источникам, например к «Велесовой книге». Как пишет Велеслав, «ученый — это человек осведомленный, имеющий определенный запас хранящихся в его памяти сведений относительно чего-либо. Мудрый — тот, кто ведает, то есть видит действительность непосредственно. Ведическая культура — это культура ведания, культура не ученого знания, а Мудрости. Не накопленных сведений о Действительности, а непосредственного видения Действительности, при наличии которого все накопленные знания играют лишь вспомогательную, второстепенную роль» (Волхв Велеслав 2010: 34).

Второе направление — модернистское. Ярчайший пример неоязыческого модернизма — это Церковь православных староверов-инглингов А. Ю. Хиневича (Патера Дия), автора «Славяно-арийских вед». В отличие от традиционалистов, А. Ю. Хиневич представляет себе прошлое в духе «космической религии» З. Ситчина, в качестве истории путешествующих в космосе гуманоидных рас, воюющих друг с другом. Например, сказочные кощеи в «Ведах» оказываются расой демонических инопланетян из Пекельного мира, с которой славяне вели войну в космосе (Славяно-Арийские Веды: 163).

Таким образом, говоря о второй волне русских неоязычников, мы имеем в виду значительные изменения, произошедшие в идеологии и практике. Ключевую роль начал играть религиозный аспект, связанный с реконструкцией вероучения и обрядов, в то время как конспирология и национализм были отодвинуты в сторону, поскольку неоязычники второй волны избегали прямой конфронтации с государством.

ТРЕТЬЯ ВОЛНА: «БОРЬБА С СИСТЕМОЙ»

Нельзя не согласиться с В. А. Шнирельманом, что первое десятилетие XXI в. стало еще одним важным этапом в истории русского неоязычества. Начало 2000-х годов стало временем краха для оппозиционных националистических движений в Российской Федерации, поскольку наступил своего рода «национально-патриотический поворот» в политике государства. Он заключался в том, что правительство РФ сумело осуществить апроприацию дискурса оппозиционеров из числа «красных» (ностальгирующих коммунистов) и «белых» (имперцев и национал-патриотов) (Малахов 2007: 29). Единственной праворадикальной силой, не затронутой этой апроприацией, остались «коричневые» — открытые национал-социалисты, расисты и фашисты. В стране, где большая часть населения считает День Победы над национал-социалистической Германией своим главным праздником, эта часть политического спектра в любом случае не могла получить большой поддержки, а значит заимствование ее лозунгов не имело смысла (Малахов 2007: 46).

Результаты негативным образом сказались на человеческом капитале националистических движений. Характерным видится высказывание одного из членов Русского национального единства (РНЕ), приведенное в статье социолога М. М. Соколова «Конец русского радикального национа-

лизма»: «Понимаешь, Путин — он же круче, чем Баркашов!» (Соколов 2008: 196). Тем националистам, которых удовлетворяла риторика этатизма, консерватизма, патриотизма и социальной справедливости, больше не нужно было находиться в оппозиции к власти. Но это также означало, что в рядах праворадикальной оппозиции останутся только непримиримые сторонники наиболее радикальных идей. Именно эта тенденция и осуществилась в рамках становления третьей волны неоязычества.

История такого становления неразрывно связана с развитием субкультуры скинхедов-националистов. В 1990-е и 2000-е годы скинхеды стали серьезной угрозой для иностранных студентов и трудовых мигрантов, приезжавших в российские города. Вполне естественным образом вслед за национал-социалистической идеологией, свойственной представителям ультраправого крыла этой субкультуры по всему миру, молодые скинхеды начали увлекаться и неоязыческой религиозностью (Шнирельман 2011: 361–362). Как заметил В. А. Шнирельман, «современная этнонациональная идея плохо уживается со стремящимся к денационализации христианством», «призывая к смирению, христианство разоружает этнонационалистов, которым в борьбе за власть требуются совершенно иные качества — агрессивность, смелость, жертвенность, готовность к кровопролитной вооруженной борьбе» (Шнирельман 2015: 98).

Трудно оценить, какие религиозные взгляды преобладали в среде скинхедов. Однако мы можем рассмотреть увлечение неоязычеством на примерах некоторых культовых для этой субкультуры персоналий. Одним из самых известных скинхедов в России стал М. С. Марцинкевич (Тесак), лидер группировки «Формат-18». Группировка стала известной благодаря многочисленным видеозаписям реальных и постановочных актов насилия, которые они выкладывали в интернет. Скинхеды из «Формат-18» активно сотрудничали с организацией «Национал-социалистическое общество» (НСО) Д. Г. Румянцева, а второй человек в организации, С. А. Коротких (известен как Малюта и Боцман), был близким другом М. С. Марцинкевича. Одним из свидетельств увлечения скинхедов двух группировок неоязычеством является видео «Формат-18», на котором запечатлена акция, которую С. А. Коротких назвал «обрядом раскодирования древнего городища в рамках проекта “Наследие предков”» (Поездка в...). Скинхеды находят площадку, на которой, по их предположению, раньше находился идол или священный камень. Сам обряд, заключающийся в разбрасывании соли по территории городища, разведении костра и освящении на нем оружия, сопровождается выкриками «Слава русским героям!», «Слава русским богам!» и «Слава русской нации!» (Поездка в...). На том же видео можно увидеть, как М. С. Марцинкевич проводит обряд освящения своего оружия (топора) над священным костром. На видео он также свидетельствует о том, что в этом месте «чувствуется магическая сила, которая набирает свое присутствие» (Поездка в...).

Еще одно доказательство наличия неоязыческих взглядов у сторонников НСО и «Формат-18» — аудиозапись телефонного разговора С. А. Коротких с представителем НСО Л. Молотковым. Запись сделана во время случившегося в 2007 г. раскола НСО (Ляп Великого Дракона). Собеседники оказались по разные стороны баррикад. Л. Молотков позвонил, чтобы узнать, может ли он забрать у С. А. Коротких оставленные у него листовки. В результате произошел диалог, в котором С. А. Коротких сказал, что листовки он отдавать не будет, так как он не «истинно православный», который «подставил бы вторую щеку», и что его «высокие религиозные убеждения» не позволяют ему так поступать (Расследование про предательство...). Под «высокими религиозными убеждениями», вероятно, подразумевалось именно неоязычество.

Другим движением, активно привлекавшим скинхедов на свою сторону, был Славянский Союз (СС) многие представители которого не скрывали своих неоязыческих взглядов. Например, в одном из пропагандистских роликов боец СС записывал видеобращения с «коловратом» (восьмилучевой свастикой, ставшей символом родноверия) и «молотом Тора» на шее (Славянский союз...). Еще один известный представитель Славянского союза Иван Смирнов (Йети) также придерживался неоязыческих взглядов. Об этом, например, свидетельствует интервью, записанное

с его участием для документального фильма Д. Ройтберга «Легко ли быть молодым?» (2011). В рамках этого интервью И. Смирнов представил следующую историософскую концепцию:

До революции 1917 года в России действовали антисемитские законы, была черта оседлости для евреев, и им в России приходилось очень туго. Они не могли ее поработить иначе, как раскачав эту власть. Они воспользовались тем, что царь Николай II был глубоко верующим православным человеком, и поэтому он был слаб и неспособен к сопротивлению. Именно поэтому Россию удалось сломить именно при его правлении. Конечная цель этих людей — это завоевание мирового господства, что сейчас уже на 80 % выполнено, и установление единого мирового правительства, естественно, еврейского. То, что мы сейчас видим, это уже остатки русских, это то, что из нас сделали христиане и коммунисты. Нас сплотить может только одно, нас сплотить может национальная вера, родная вера, которая была на Руси до крещения... Русь после крещения развивалась не благодаря православию, а вопреки (Легко ли быть молодым).

Период наибольшей активности третьей волны — 2000-е годы и первая половина 2010-х годов. Примером для всех ее представителей стала печально известная Боевая террористическая организация (БТО) Боровикова-Воеводина, действовавшая в Санкт-Петербурге. Ключевым участникам этой организации Д. А. Боровикову и А. М. Воевдину не было и 25 лет на момент их наиболее активной деятельности.

Наибольшую известность БТО Боровикова-Воеводина получила из-за череды убийств, среди которых убийство этнографа Н. М. Гиренко, выступавшего в качестве эксперта по делу группировки «Шульц-88», в которой на раннем этапе ее существования состояли и основные фигуранты дела БТО (Стогов 2019: 65), убийство таджикской девочки Хуршеды Султоновой (Стогов 2019: 136–153) и сенегальского студента Лампасара Самба. Поскольку в рамках предлагаемой нами классификации последователи Д. А. Боровикова образуют одну из трех волн исследуемого движения, требуется дополнительное пояснение относительно причастности лидеров БТО к российскому славянскому неоязычеству. Некоторые родноверческие волхвы категорически отказывались признавать Д. А. Боровикова славянским неоязычником. Н. Н. Сперанский характеризовал его следующим образом: «Молодой человек Боровиков никак русское язычество не представляет и не выражает. Поэтому смешно выставлять его в виде какого-то примера» (Материалы переписки с Н. Н. Сперанским). Вероятной причиной такого отношения к фигуре Д. А. Боровикова является очевидная жестокость его поступков и радикализм его идеологии. Тем не менее нельзя забывать, что языческим именем Коловрат⁵ Д. А. Боровикова нарек тот же самый человек, который сделал Велимиром Н. Н. Сперанского, — А. А. Добровольский, или Доброслав. Вот что он говорил о Д. А. Боровикове во время одной из встреч со своими последователями: «Вы, конечно, знаете все, что 17 мая сего года в Питере подло, в затылок, шабесгоями, сотрудниками спецслужб убит наш верный соратник Дмитрий Боровиков. Его языческое имя — Коловрат. Это был бескорыстный подвижник, борец с сионистским оккупационным режимом. Я горжусь теперь, показывая те письма, которые он мне писал. Слава героям! Я прошу вас почтить минутой молчания память героя. И пусть каждый из вас в эту минуту поклянется в душе своей, что отомстит палачам!» (Волхв Доброслав).

Эта похвала из уст А. А. Добровольского показывает, что он считал Д. А. Боровикова одним из самых последовательных сторонников той идеологии, которую разделял он сам. Так протягивается нить идейной преемственности между первой и третьей волнами неоязычества.

Ключевым текстом для понимания идеологии БТО является «Слово за редакцией», первая статья в выпущенном ими зине «Smell of Hatred». Здесь бывшие скинхеды ставят черту размежевания между собой и обычными уличными хулиганами. Для вторых основной противник — это выходцы с Кавказа и мигранты, однако Д. А. Боровиков и его сторонники видят основного

⁵ Фраза «Нарекаю тебя Коловратом!» после смерти Д. А. Боровикова стала интернет-мемом (Нарекаю тебя Коловратом).

противника в ZOG — Zionist Occupation Government (сионистское оккупационное правительство)⁶. Именно оно потворствует распространению инородцев в российских городах. Соответственно речь в «Слове» обращена к трем основным социальным группам. Первая — «жиды», которых авторы зина обвиняют в заговоре против белых людей и которых они грозятся уничтожить. Вторая группа — сотрудники правоохранительных органов. Они тоже обозначены как «приговоренные» за то, что охраняют «жидорежим». Далее идет третья группа, чье появление на страницах ультраправого издания можно считать весьма знаковым, — «обыватели». Обыватели — это «всего лишь масса», которую используют в своих целях евреи. По этой причине для бойцов БТО их жизнь тоже ничего не стоит, ведь обычные граждане страны не могут восстать против системы. При этом «русскость» обывателей не имеет никакого значения. Единственная польза, которую они могут принести с точки зрения авторов «Слова» — рожать как можно больше детей, чтобы сторонники БТО могли «правильно» воспитать их. Таким образом, перед нами свидетельство изменения референтной группы, значимого для бойцов БТО коллектива, с которым они себя соотносят. Для обычных скинхедов референтная группа ограничивается принадлежностью к русской нации и «арийской» расе. БТО отделяет себя от русской нации, их референтная группа — «белые воины», обращением к которой и заканчивается статья (Слово за редакцией: 3).

Последователи БТО сделали своим отличительным знаком аббревиатуру NS/WP (Национал-социализм / Белая власть)⁷. Эти же буквы содержались в названиях целого ряда сайтов, таких как ns-wp.org, ns-wp.net, ns-wp.us и ns-wp.cc, на которых ультраправые обменивались информацией, идеологическими и практическими наработками. Одним из результатов их деятельности стал своеобразный «катехизис» NS/WP, который был опубликован в блоге одного из основателей движения М. Сахарова (Necros88) — «Скинхеды и NS/WP — две стороны, казалось бы, одной монеты» (Скинхеды и NS/WP). В этой статье М. Сахаров стремился четко отделить обычных скинхедов от элиты — последователей БТО, и соотносил их как Вермахт и СС соответственно. В то же время цели обычных скинхедов и сторонников NS/WP не вполне совпадают. Скинхеды лишь стремятся изгнать из страны мигрантов, в то время как NS/WP хотят захватить власть в государстве. NS/WP, как и Д. А. Боровиков, не считали Российскую Федерацию своей страной и стремились ее разрушить: «Скинхеды сражаются за “свою родину”, Россию. НС/ВП уничтожает Россию по большому счету вместе с ее населением вместо нее грядет триумф Белой Руси» (Скинхеды и NS/WP). По сей день последователи БТО и NS/WP имеют возможность распространять свои зины через социальные сети. Также у них есть сайт wotanjugend.info и одноименный телеграмм-канал, в котором они каждый год отмечают день рождения Д. А. Боровикова как знаковое событие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За несколько десятилетий существования движение русских неоязычников породило как минимум три достаточно четко выраженных волны, отличающихся друг от друга как идейно, так и с точки зрения практики и методов достижения своих целей. Первая волна неоязычества возникла в 1970–1980-е годы и представляла собой группу радикальных публицистов, сформулировавших нарратив об извечной борьбе наций, заговоре иудеев и христиан против Руси и утраченном языческом «золотом веке», а также боровшихся с тем, что они считали проявлениями «мирового сионизма». Неоязычники второй волны — это энтузиасты, «волхвы» и «жрецы», стремящиеся возродить древнеславянскую религию, воссоздать верования и обряды, а также собрать общины из единомышленников. Эта деятельность началась в 1990-е годы и продолжается по сей день. Третья волна русского неоязычества сформировалась в первое десятилетие XXI в. в контексте

⁶ Аббревиатура ZOG позаимствована российскими националистами у американских ультраправых (Шнирельман 2022: 45).

⁷ NS/WP включены в список экстремистских организаций, запрещенных на территории России, решением Верховного суда Российской Федерации от 21.05.2021, № АКПИ21-343С, вступившим в силу 25.06.2021.

кризиса и маргинализации российских ультраправых. Ее основоположниками стали молодые выходцы из субкультуры скинхедов, которые считали себя борцами с системой, выстроенной «сионистским оккупационным правительством», противостоящими «жидам», правоохранительным органам и обычным россиянам («обывателям»). У третьей волны по-прежнему есть последователи, хотя в современной России они не могут открыто высказывать свои идеи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Материалы переписки с Н. Н. Сперанским, 19.04.2016–05.05.2016. Из личного архива автора.
- Безверхий В. Н.* История религии. М.: Витязь, 1998.
- Волхв В.* Духовное самопознание. СПб.: ООО «Ведическое Наследие», 2010.
- Волхв Доброслав (2011) // YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WmLN4UjStl8> (дата обращения: 29.07.2022).
- Восленский М. С.* Номенклатура. М.: Захаров, 2016.
- Доброслав.* Стрелы Ярилы. Б.м., 1989.
- Емельянов В. Н.* Десионизация. М.: Русская Правда, 2005.
- Жирар Р.* Козел отпущения. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010.
- Истархов В. А.* Удар Русских Богов. М.: Институт экономики и связи с общественностью, 2000.
- Кавыкин О. И.* «Родноверы». Самоидентификация неоязычников в современной России. М.: Институт Африки РАН, 2007.
- Королёва Т. А.* Политическое движение женщин в Канаде первой, второй и третьей волны феминизма // Научное мнение. 2014. № 7. С. 53–59.
- Костырченко Г. В.* Тайная политика: от Брежнева до Горбачева. В 2 ч. Часть I. Власть – Еврейский вопрос – Интеллигенция. М.: Международные отношения, 2019.
- Кутявин Н. А.* Традиционализм и модернизм в мировоззрении славянских неоязычников России // Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН: вып. I / отв. ред. А. А. Плеханов, Н. А. Лапкина. М.: ИЭА РАН, 2020. С. 242–252.
- Кутявин Н. А.* Анализ неоязычества и национализма в антропологии Рене Жирара // Вестник антропологии. 2022. № 2. С. 320–332.
- Легко ли быть молодым? (2011) // YouTube.com. URL: https://youtu.be/QbeRj2Yl_Ww?t=3337 (дата обращения: 29.07.2022).
- Ляп Великого Дракона // YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=a0MVp2mP9mo> (дата обращения: 29.07.2022).
- Малахов В. С.* Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Нарекаю тебя Коловратом // URL: https://lurkmore.to/Нарекаю_тебя_Коловратом (дата обращения: 29.07.2020).
- Носачев П. Г.* «Отреченное знание»: Изучение маргинальной религиозности в XX и начале XXI века: Историко-аналитическое исследование. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015.
- Славянский союз. Обращение к Русским людям // ВКонтакте. URL: https://vk.com/video?q=обращение%20славянского%20союза&z=video25016869_160278943%2Fpl_cat_trends (дата обращения: 29.07.2022).
- Соколов М. М.* Конец русского радикального национализма // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 183–197.
- Сперанский Н. Н.* Воспоминание о началах пути // Северная Традиция. Священный остров Руян: сборник / сост. и общ. ред. Д. А. Гаврилов, С. Э. Ермаков. М.: Издательство «Социально-политическая мысль», НИО «Северный ветер». 2008. С. 32–39.
- Поездка в Воронежскую область // YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dV7vFvSadT4> (дата обращения: 29.07.2022).
- Прибыловский В. В.* Идеиные центры русских неоязычников // anticompromat.com. URL: <https://anticompromat.panchul.com/yazuch/yaz01.html> (дата обращения: 17.09.2022).
- Расследование про предательство «Боцмана Малюты» / Сергея Коротких. Слив про то как Малюта сдал Тесака // YouTube.com. URL: <https://youtu.be/Q6bhhqBAfcY?t=406> (дата обращения: 10.07.2022).
- Скинхеды и NS/WP — две стороны, казалось бы, одной монеты // Живой Журнал NECros88. URL: <https://necros88.livejournal.com/9665.html> (дата обращения: 29.07.2022).

- Славяно-Арийские Веды. Славянское миропонимание. Книга I. Подтверждение «Книги Света». Омск. Б. и., Б. г.
- Слово за редакцией // Smell of Hatred. № 1. С. 3
- Слово Нации // Вече. 1981. № 3. С. 106–131.
- Стогов И. Ю. История одной банды. М.: РИПОЛ классик; Пальмира, 2019.
- Флоровский Г. Пути русского богословия. Минск: Харвест, 2006.
- Ханеграаф В. Я. Западный эзотеризм. Путеводитель для запутавшихся. М.: Центр книги Рудомино, 2016.
- Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–63.
- Шиженский Р. В. Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава. Нижний Новгород: Типография «Поволжье», 2014.
- Широпаев А. А. Тюрьма народа. М.: ООО «ФЭРИ-В», 2011.
- Шнирельман В. А. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2010. // Сайт научно-просветительского журнала «Скепсис». URL: https://sceptis.net/library/id_2723.html (дата обращения: 29.07.2022)
- Шнирельман В. А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. Том II. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Шнирельман В. А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: Издательство ББИ, 2012.
- Шнирельман В. А. Арийский миф в современном мире. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Шнирельман В. А. Удерживающий. От Апокалипсиса к конспирологии. М.; СПб.: Нестор-История, 2022.
- Эко У. Вечный фашизм // Пять эссе на темы этики. М.: Астрель, 2012. С. 61–98.
- Aitamurto K. Paganism, Traditionalism, Nationalism: Narratives of Russian Rodnoverie. N.-Y., L.: Routledge, 2016.
- Juergensmeyer M. Sacrifice and Cosmic War // Terrorism and Political Violence. 1991. Vol. 3. № 3. P. 101–117.

REFERENCES

- Aitamurto K. *Paganism, Traditionalism, Nationalism: Narratives of Russian Rodnoverie*. New York, London: Routledge, 2016.
- Eco U. Vechnyi fashizm [Eternal fascism]. *Piat' esse na temy etiki*. Moscow: Astrel Publ., 2012, pp. 61–98. (In Russian)
- Florovsky G. *Puti russkogo bogosloviia* [The Ways of Russian Theology]. Minsk: Kharvest Publ., 2006. (In Russian)
- Girard R. *Kozel otpushcheniia* [Scapegoat]. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ., 2010. (In Russian)
- Hanegraaff W. *Zapadnyi ezoterizm. Putevoditel' dlia zaputavshikhsia* [Western Esotericism: A Guide for the Perplexed]. Moscow: Tsentr knigi Rudomino Publ., 2016. (In Russian)
- Hobsbaum E. Izobretenie traditsii [Invention of Traditions]. *Vestnik Evrazii*, 2000, no. 1, pp. 47–63. (In Russian)
- Juergensmeyer M. Sacrifice and Cosmic War. *Terrorism and Political Violence*, 1991, vol. 3, no. 3, pp. 101–117.
- Kavykin O. I. “Rodnoverie”. *Samoidentifikatsiia neoiazychnikov v sovremennoi Rossii* [“Rodnovers”. Self-identification of neopagans in contemporary Russia]. Moscow: Institute of Africa RAS Publ., 2007. (In Russian)
- Koroleva T. A. Politicheskoe dvizhenie zhenshchin v Kanade pervoi, vtoroi i tret'ei volny feminizma [Political movement of women in Canada of the first, second and third waves]. *Nauchnoe mnenie*, 2014, no. 7, pp. 53–59. (In Russian)
- Kostyrchenko G. V. *Tainaia politika: ot Brezhneva do Gorbacheva. V 2 ch. Chast' I. Vlast' – Evreiskii vopros – Intelligentsiia*. [Secret policy: from Brezhnev to Gorbachov. In 2 vol. Vol. 1. – Power – Jewish question - Intellectuals] Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2019. (In Russian)
- Kutyavin N. A. Traditsionalizm i modernizm v mirovozzrenii slavianskikh neoiazychnikov Rossii [Traditionalism and Modernism in the Worldview of russian slavic neopagans] *Al'manakh Konferentsii molodykh uchenykh Instituta etnologii i antropologii RAN: vypusk I*. Moscow: IEA RAN Publ., 2020, pp. 242–252. (In Russian)
- Kutiavin N. A. Analiz neoiazychestva i natsionalizma v antropologii Rene Girard [Neopaganism and nationalism in the anthropology of Rene Girard]. *Vestnik antropologii*, 2022, no. 2, pp. 320–332. (In Russian)

Malakhov V. S. *Ponaekhali tut... Ocherki o natsionalizme, rasizme i kul'turnom pliuralizme* [Came in numbers here... Essays on nationalism, racism and cultural pluralism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. (In Russian)

Nosachev P. G. “*Otrechennoe znanie*”: *Izuchenie marginal'noi religioznosti v XX i nachale XXI veka: Istoriko-analiticheskoe issledovanie* [“Relinquished Knowledge”: The Study of Marginal Religiosity in the 20-th and Early 21-st Centuries: A Historical and Analytical Study]. Moscow: PSTGU Publ., 2015. (In Russian)

Pribylovskii V. V. *Ideinye tsentry russkikh neoiazychnikov* [Ideological centres of Russian neopagans] URL: <https://anticompromat.panchul.com/yazych/yaz01.html> (accessed 19.09.2022). (In Russian)

Shizhensky R. V. *Filosofia dobroj sily: zhizn' i tvorchestvo Dobroslava* [Philosophy of good power: the life and work of Dobroslav]. Nizhnii Novgorod: Povolzh'e Publ., 2014. (In Russian)

Shnirelman V. A. “*Chistil'shchiki moskovskikh ulits*”: *skinkhedy, SMI i obshchestvennoe mnenie* [“Moscow street cleaners”: skinheads, media and public opinion]. Moscow: Moskovskoe biuro po pravam cheloveka, “Academia”, 2010. URL: https://scepis.net/library/id_2723.html (accessed 19.08.2022) (In Russian)

Shnirelman V. A. “*Porog tolerantnosti*”: *Ideologiya i praktika novogo rasizma. Vol. II* [“The threshold of tolerance”: Ideology and practice of new racism. Vol. II]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. (In Russian)

Shnirelman V. A. *Russkoe rodnoverie: neoiazychestvo i natsionalizm v sovremennoi Rossii* [Russian Rodnoverie: Neopaganism and Nationalism in Modern Russia]. Moscow: BBI Publ., 2012. (In Russian)

Shnirelman V. A. *Ariiskii mif v sovremennom mire. Vol. 1*. [Aryan myth in modern world. Vol. 1]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. (In Russian)

Shnirelman V. A. *Uderzhivaiushchii. Ot Apokalipsisa k konspirologii* [Catechon. From Apocalypse to conspiracy theories]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2022. (In Russian)

Sokolov M. M. *Konets russkogo radikal'nogo natsionalizma* [The End of Russian Radical Nationalism]. *Antropologicheskii forum*, 2008, no. 8, pp. 183–197. (In Russian)

Voslenskii M. S. *Nomenklatura* [Nomenclature]. Moscow: Zakharov Publ., 2016. (In Russian)

Submitted: 19.08.2022

Accepted: 17.02.2023

Published: 10.04.2023